

Contents

Часть первая ЗАНАВЕС ПОДНИМАЕТСЯ

Глава 1. Первая неделя	9
Глава 2. Вторая неделя	53
Глава 3. Третья неделя	92
Глава 4. Четвертая неделя	132
Глава 5. Пятая неделя	166

Часть вторая ВЫХОД НА ПОКЛОН

Глава 6. Катастрофа	190
Глава 7. Младшее поколение	238
Глава 8. События развиваются	271
Глава 9. Конец	299

ТЕАТР «ДЕЛЬФИН»

«МАКБЕТ»

Уильям Шекспир

Дункан, король Шотландский — Норман Кинг

Его сыновья:

Малькольм — Эдвард Кинг

Дональбайн — Актер

Полководцы Дункана:

Макбет — Дугал Макдугал

Банко — Брюс Баррабелл

Шотландские лорды:

Макдуф — Саймон Мортен

Леннокс

Росс

Ментит

Ангус

Кетнес

} Актеры

Флинс, сын Банко — Актер

Сивард, граф Нортумберлендский — Актер

Молодой Сивард, его сын — Актер

Сейтон, приближенный Макбета — Гастон Сирс

Сын Макдуфа — Уильям Смит

Раненый солдат

Привратник

Врачи

} Актеры

Леди Макбет — Маргарет Мэннеринг

Леди Макдуф — Нина Гэйторн

Придворная дама Актриса

Три ведьмы — Рэнги

Венди

Блонди

Солдаты, слуги и призраки

Место действия: Шотландия и Англия

Режиссер: Перегрин Джей

Декорации и костюмы Джереми Джонса

Часть первая

ЗАНАВЕС ПОДНИМАЕТСЯ

Глава 1

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ

Перегрин Джей услышал, как открылась и закрылась служебная дверь в театр «Дельфин». Понеслись голоса. На открытую сцену вышли художник-декоратор, художник по костюмам и осветитель. Они выкатили три специальных стойки и прикрепили к ним рисунки декораций для постановки «Макбета».

Рисунки были великолепны. Перманентная центральная лестница из грубого камня, ведущая в покои Дункана. Две поворотных платформы: та, что справа, представляла собой внешний фасад замка Инвернесс и внутренний двор; та, что слева — высокую каменную платформу с виселицей и болтающимся на ней скелетом в лохмотьях, а с другой стороны — вторую стену внутреннего двора. По центру располагался тускло-красный гобелен позади лестницы и небосвод.

Осветитель показал дюжину больших рисунков различных сцен, в которые он внес своими умелыми руками поразительные изменения. Один из рисунков был просто прекрасен: роскошный вечер перед замком, где все купается в великолепных лучах заходящего солнца. Возникало ощущение, что воздух спокоен, приятен и полон звука порхающих крыльев. Рядом с этим рисунком был другой: огромные двери распахнуты, внутри темно, горят факелы, а слуга и леди Макбет в алом платье выходят навстречу обреченному гостю.

— Джереми, — сказал Перегрин, — мы тобой гордимся.

— Пойдет?

— Это очень хорошо! Просто чертовски хорошо! Так! Давайте-ка поднимем занавес. Джереми?

Декоратор пошел за кулисы и нажал кнопку. Занавес поднялся с длинным вздохом. Пустой зрительный зал ждал.

— Освети их, Джереми! Полное выключение, а потом освети их. Сможешь?

— Идеально не получится, но я попробую.

— Давай, как получится, Джереми.

Джереми рассмеялся, подвинул стойки и подошел к осветительному пульту.

Перегрин и все остальные прошли со сцены в зал. Вскоре весь свет погас, а затем, после паузы, среди тьмы внезапно высветились рисунки, выглядевшие великолепно живыми.

— Это только приблизительно, конечно, — сказал в темноте Джереми.

— Давайте оставим, чтобы актеры посмотрели. Они уже должны прийти.

— Ты же не хочешь, чтобы они сразу переломали себе ноги? — спросил в темноте чей-то голос.

Повисла неловкая пауза.

— Ну... нет. Включи свет в проходе, — сказал Перегрин слегка бесцеремонно. — Нет, — крикнул он, — опусти занавес обратно, Джереми. Сделаем все как следует.

Открылась дверь актерского подъезда, и послышались еще голоса — два женских и один мужской. Они шли в темноте, что-то восклицая.

— Так, так, — весело крикнул Перегрин. — Стойте на месте. Свет, пожалуйста, Джереми. Пока люди входят. Спасибо. Идите сюда все. Осторожнее. Прекрасно.

Они спустились со сцены. Первой была Маргарет Мэннеринг, которая жаловалась на ступеньки своим чудесным теплым голосом, посмеиваясь и говоря, что она всегда старомодно пунктуальна. Перегрин поспешил ей навстречу.

— Мэгги, дорогая! Все это задумано для того, чтобы мы успешно приступили к работе, но я все равно прошу прощения. Больше никаких ступенек. Садись в первый ряд. Нина! С вами все в порядке? Идите сюда и садитесь, дорогая. Брюс! Добро пожаловать! Я так рад, что вам удалось договориться с телевидением и уделить нам время.

Что-то я слишком уж стараюсь, подумал он. Нервы! Ну вот, все собираются. Теперь спокойно.

Актеры прибывали поодиночке и парами, встретившись у входа. Они многословно и весело приветствовали Перегрин и друг друга; все спрашивали, почему они сидят перед сценой, а не на ней, или не в репетиционном зале. Перегрин пересчитал их по головам. Когда их набралось

семнадцать, а потом девятнадцать, он понял, что все ждут только одного человека: Макбета.

Он снова пересчитал их. Саймон Мортен — Макдуф. Великолепная фигура, рост метр восемьдесят пять. Смуглый. Блестящие черные глаза, густые черные волосы, торчащие непослушными короткими завитками. Ладно скроенное тело, еще не начавшее толстеть, и прекрасный голос. Почти невероятное сочетание. Брюс Баррабелл — Банко. Худошавый. Метр семьдесят пять. Светлые, почти песочного цвета волосы. Красивый голос. А король? Почти автоматически получает роли: он играл всех канонических королей Шекспира, кроме Лира и Клавдия, и играл хорошо, хотя и не идеально. Самым главным его качеством было королевское достоинство. Он был в большей степени королем, чем оставшиеся в Европе коронованные особы; и имя у него было соответствующее — Норман Кинг¹. Малькольм и в реальной жизни был его сыном, молодым человеком девятнадцати лет, и сходство между ними было поразительное.

Вот сидит язвительный Леннокс. Вот Нина Гэйтторн, играющая леди Макдуф, очень серьезно беседует с актером, исполняющим роль врача. И я готов поспорить, что беседуют они о суевериях, с тревогой подумал Перегрин. Он взглянул на часы: опаздывает на двадцать минут. Я уже не прочь начать без него, честное слово.

Раздался громкий и красивый голос, хлопнула дверь служебного входа. Перегрин поспешил через боковую дверь на сцену.

— Дугал, дорогой, добро пожаловать, — воскликнул он.

— Ох, простите, боюсь, я немного опоздал. А где остальные?

— В зале. Я решил пока не устраивать читку.

— Нет?

— Нет. Сначала поговорим о пьесе, потом посмотрим рабочие декорации и начнем.

— В самом деле?

— Пойдемте. Сюда. Вот так.

Перегрин пошел впереди.

— Сам Макбет пожаловал, — объявил он остальным.

Эти слова подготовили выход Дугала Макдугала. Он секунду-другую постоял на ступеньках, спускающихся со сцены в зрительный зал, на лице его появилась извиняющаяся улыбка. Он словно говорил: посмотрите, какой я хороший парень. Никакого высокомерия. Все любят друг друга. Да. Он увидел Маргарет Мэннеринг. Узнавание! Восторг! Протянутые руки и быстрый спуск в зал.

— Мэгги! Дорогая моя! Как приятно!

Целование рук, поцелуи в обе щеки. У всех возникло такое чувство, будто центральное отопление поднялось еще на пять градусов. Внезапно все заговорили.

Перегрин стоял спиной к занавесу, глядя на трупку, с которой он вот-вот начнет работать. Ощущения всегда были одинаковые. Они поднялись на борт этого корабля и готовятся примерить на себя другую личность. В процессе этого со всеми что-то произойдет: они будут пробовать новые приемы, какие-то примут, от каких-то откажутся. Рядом с ними — герои, чей характер

им предстояло примерить на себя. Они сблизятся с ними, и, если подбор на роли оказался точным, станут очень близки. К тому времени, как они поднимутся на сцену, они будут одним целым. Так он считал. А когда путешествие окончится, все они станут немного другими.

Он заговорил.

— Я начинаю не с читки, — сказал он. — Читка хороша для главных ролей, но эпизодические роли — другое дело. Придворная дама и врач очень важны тогда, когда они появляются на сцене, но если им придется два часа сидеть и ждать своего выхода, это не лучшим образом скажется на их усердии.

Вместо этого я предлагаю вам хорошенько присмотреться к этой пьесе и затем приступить к работе. Пьеса короткая, и в ней есть недостатки. Я хочу сказать, что в ней полно ошибок, которые вкрались в ту рукопись, что была передана в печать. Шекспир не писал глупые куски с участием Гекаты, поэтому ее мы выбросим. Пьеса компактная и быстро подходит к концу. Она безжалостна. Я дважды ставил ее в других театрах, и могу сказать, что оба раза были успешны, без всяких признаков невезения, так что я не верю ни в какие связанные с ней истории о несчастьях и плохих приметах. Надеюсь, что и вы тоже в это не верите. А если и верите, то будете держать свои суеверия при себе.

Он сделал достаточно долгую паузу, чтобы почувствовать, как меняется восприятие его слушателей, и уловить быстрое движение рук Нины Гейторн, которое она немедленно подавила.

— Пьеса очень прямолинейна, — сказал

14 он. — Я не нахожу в Макбете никаких боль-

ших сложностей или противоречий. Это сверхчувствительный, болезненно мнительный человек, страдаемый непомерным честолюбием. С момента совершения убийства он начинает распадаться как личность. Любая великолепно выраженная поэтическая мысль сменяется разочарованием. Его жена знает его лучше, чем он сам, и с самого начала понимает, что она должна нести это бремя: успокаивать мужа, стараться приободрить его в критический момент, ублажать и умасливать его. Я считаю, — сказал Перегрин, глядя прямо на Маргарет Мэннеринг, — что она вовсе не жестокое чудовище, которое может выдержать любое количество трудностей. Напротив, она — чувствительное создание с железной *волей*, и она осознанно делает выбор в пользу зла. В конечном итоге она не сломлена, но она ходит и разговаривает во сне. И это губительно.

Мэгги подалась вперед, сжав руки и устремив блестящий взгляд на его лицо. Она мелко кивала, соглашаясь с его словами. Она ему верила — по крайней мере, в этот момент.

— И она чертовски сексуальна, — добавил он. — Она пользуется этим в полной мере.

Он продолжал. Ведьмы, говорил он, должны быть такими, словно их существование — это совершенно обычное дело. Пьеса была написана во времена Якова I и по его заказу. Яков I верил в ведьм, в их силу и зловердность.

— Давайте, я покажу вам, что именно я имею в виду, — сказал Перегрин. — Джереми, пожалуйста!